

века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своеиз корыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благодеяние и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного»².

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Жан Жак Руссо родился 28 июня 1712 года в Женеве, в семье часовщика. Мать его, Сюзанна Бернар, происходила из состоятельной буржуазной семьи, была одаренной и жизнерадостной женщиной. Умерла через девять дней после появления на свет сына. Отец, Исаак Руссо, с трудом перебивавшийся своим ремеслом, отличался непостоянным, раздражительным характером. Однажды он затеял ссору с французским капитаном Готье и ранил его шпагой. Суд приговорил Исаака Руссо к трем месяцам тюрьмы, штрафу и церковному покаянию. Не желая подчиниться решению суда, он бежал в Нион, ближайшее к Женеве местечко, оставив десятилетнего сына на попечение брата своей покойной жены. Исаак Руссо умер 9 марта 1747 года.

Жан Жак с самых ранних лет был окружен добрыми и любящими его тетками, Госерию и Ламберсье, которые с исключительным усердием холили и воспитывали мальчика. Вспоминая ранние годы жизни, Руссо писал в «Исповеди», что «за детьми короля не могли бы ухаживать с большим усердием, чем ухаживали за мной в первые годы моей жизни»¹.

Впечатлительный, мягкий и добрый по природе Жан Жак в годы своего детства много читал. Часто вместе с отцом он подолгу засиживался за французскими романами, за чтением сочинений Плутарха, Овидия, Боссюэ и многих других.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 520.

¹ Руссо Ж. Ж. Избр. соч.: В 3-х т. М.: ГИХЛ, 1961, т. 3, с. 14.

Жан Жак рано начал самостоятельную жизнь, полную невзгод и лишений. Он перепробовал самые различные профессии: был писцом у нотариуса, учился у гравера, служил лакеем. Затем, не находя соответствующего применения своим силам и способностям, стал на путь бездомных скитаний. Шестнадцатилетний Руссо, бродя по восточной Франции, Швейцарии, Савойе, входившей тогда в состав Королевства Сардинии, встретился с католическим священником Понверром и под его влиянием отказался от кальвинизма — религии своих дедов и отцов.

По рекомендации Понверра Жан Жак познакомился в Аннеси — главном городе Верхней Савои — с 28-летней швейцарской дворянкой Луизой де Варанс, которая «жила милостями сардинского короля» и занималась, между прочим, вербовкой молодых людей в католичество. Статный, одаренный от природы, Жан Жак произвел на г-жу де Варанс благоприятное впечатление и вскоре был отправлен в Турин, в приют для новообращенных, где был наставлен и принят в лоно католической церкви (в более зрелом возрасте Руссо вернулся к кальвинизму).

Спустя четыре месяца Руссо оставил Турин и с двадцатью франками в кармане пошел искать работу. Найти такой труд, который был бы приятен и легок, ему не удалось. Вскоре он истратил деньги и вынужден был поступить лакеем к старой, больной аристократке. Через три месяца она умерла, и Руссо снова не у дел. На этот раз поиски работы были недолгими. Он нашел место лакея в аристократическом доме. Позже в этом же доме работал домашним секретарем. Здесь ему давали уроки латинского языка, научили безукоризненно говорить по-итальянски. И все же Руссо не задержался надолго у своих благосклонных господ. Его по-прежнему тянуло к странствиям, а вместе с тем он не переставал мечтать о новой встрече с г-жой де Варанс. И эта встреча вскоре состоялась. Г-жа де Варанс простила Руссо безрассудные юношеские скитания и приняла его в свой дом, который надолго стал его пристанищем. Здесь между Руссо и г-жой де Варанс установились близкие, сердечные отношения. Но привязанность и любовь Руссо к своей покровительнице, по-видимому, долго не давали полного умиротворения и покоя. Г-жа де Варанс имела и другого возлюбленного — швейцарца Клода Анэ. Руссо с огорчением не раз покидал свое пристанище и после новых мытарств снова возвращался к де Варанс. Только после смерти Клода

Анэ между Жан Жаком и Луизой де Варанс установилась полная идиллия любви и счастья.

Де Варанс сняла в горной долине, среди чудесной зелени, виноградников, цветов, дачу «Les Charmettes». «В этом волшебном уголке,— вспоминал Руссо в своей „Исповеди“,— я провел два или три лучших летних месяца, стараясь определить свои умственные интересы. Я наслаждался радостями жизни, цену которым так хорошо знал, обществом, столь же непринужденным, как и приятным,— если только можно назвать обществом наш тесный союз,— и теми прекрасными знаниями, к приобретению которых я стремился...»²

Руссо продолжал много читать, основательно погружался в философские и научные труды Декарта, Локка, Лейбница, Мальбранша, Ньютона, Монтея, занимался физикой, химией, астрономией, латинским языком, брал уроки музыки. И нужно сказать, что за годы, протекшие в доме де Варанс, он достиг серьезных результатов в изучении философии, естествознания, педагогики и других наук. В одном из писем к отцу он так выразил суть своих научных занятий: «Я стремлюсь не только просветить ум, но и воспитать сердце к добродетели и мудрости».

В 1740 году взаимоотношения между Руссо и де Варанс резко ухудшились и он вынужден был покинуть свое многолетнее пристанище. Переехав в Лион, Руссо нашел здесь место воспитателя детей в доме г-на Мабли — главного судьи города. Но работа домашнего воспитателя не приносила ему ни нравственного удовлетворения, ни материальных благ. Через год Руссо снова вернулся к де Варанс, но уже не встретил прежнего расположения. По его словам, он почувствовал себя лишним «возле той, для которой когда-то был всем»³.

Разойдясь с де Варанс, осенью 1741 года Руссо переехал в Париж. Первое время он серьезно рассчитывал на успех своего изобретения — новой нотной системы. Но действительность разбила его надежды. Изобретенная им нотозапись в цифрах, представленная в Парижскую академию наук, не встретила одобрения, и ему вновь пришлось рассчитывать на случайные заработки.

В течение двух лет Руссо перебивался перепиской нот, уроками музыки, мелким литературным трудом. Пребы-

² Руссо Ж. Ж. Избр. соч., т. 3, с. 209—210.

³ Там же, с. 240.

вание в Париже расширило его связи и знакомства в литературном мире, открыло возможности для духовного общения с передовыми людьми Франции. Руссо познакомился с Дидро, Мариво, Фонтенелем, Гриммом, Гольбахом, Д'Аламбером и другими.

Наиболее теплые дружеские отношения завязались у него с Дидро. Блестящий философ, так же как Руссо, увлекался музыкой, литературой, страстно стремился к свободе. Но мировоззрение у них было разное. Дидро был философом-материалистом, атеистом, занимавшимся главным образом разработкой естественнонаучного мировоззрения. Руссо же находился во власти идеалистических взглядов, перенося все свое внимание на социально-политические вопросы. Обе эти сложные натуры в течение пятнадцати лет так или иначе сохраняли довольно тесные дружеские отношения. Но в конце 60-х годов на почве идейных и личных разногласий между Руссо и Дидро возник конфликт, приведший их к разрыву. В «Письме к Д'Аламберу о зреющих», касаясь этого конфликта, Руссо писал: «У меня был строгий и справедливый Аристарх; у меня его больше нет, и я не хочу другого; но я никогда не перестану жалеть о нем, и его не хватает еще больше моему сердцу, чем моим сочинениям»⁴.

Находясь в крайне стесненных материальных условиях, Руссо пытался найти путь к более обеспеченной жизни. Ему посоветовали познакомиться с дамами высшего света и использовать их влияние. От знакомого патер-иезуита Руссо получил несколько рекомендаций: к г-же де Безнаваль и ее дочери маркизе де Брольи, к г-же Дюпон, жене богатого откупщика, и другим дамам. В 1743 году через посредство г-жи де Брольи он получил должность секретаря французского посланника в Венеции. Около года Руссо добросовестно выполнял свои обязанности. В свободное от занятий время знакомился с итальянской музыкой и собирая материал для книги о государственном управлении. Высокомерное и грубое обращение посланника графа де Монтэгю вынудило Руссо оставить дипломатическую службу и вернуться в Париж.

В Париже Руссо сшелся с молодой белошвейкой Терезой Левассер, которая, по его словам, обладала простым и добрым нравом. Руссо прожил с ней 34 года, до конца своих дней. Он пытался развить ее, обучить грамоте,

---

⁴ Руссо Ж. Ж. Избр. соч., т. 1, с. 69.

однако все усилия его в этом направлении оставались бесплодными.

У Руссо было пятеро детей. Неблагоприятные семейно-бытовые условия вынудили поместить детей в воспитательный дом. «Я содрогнулся перед необходимостью поручить их этой дурно воспитанной семье,— писал он о семье Терезы Левассер,— ведь они были бы воспитаны ею еще хуже. Пребывание в воспитательном доме было для них гораздо менее опасным. Вот основание припятого мной решения...»⁵

Связь с Терезой многие биографы и историки философии считали для Руссо большим несчастьем. Немецкий философ В. Виндельбанд, например, писал, что Руссо заключил непонятную связь, висевшую камнем на его шее до самой смерти. Однако свидетельства самого Руссо опровергают это. В «Исповеди» он утверждал, что Тереза была для него единственным действительным утешением. В ней «я нашел восполненье, в котором нуждался... Я жил со своей Терезой так же хорошо, как жил бы с величайшим гением мира»⁶.

Кстати сказать, эта многолетняя связь не мешала Руссо встречаться с другими женщинами, что, конечно, огорчало Терезу. В особенности нелепой и обидной могла казаться ей любовь седеющего Жан Жака к Софи Д'Удете. Эту его страстную любовь и переселение в Эрмитаж, поближе к предмету своего глубокого увлечения, долго не могли простить Руссо и его друзья.

Из биографии Руссо вряд ли можно сделать вывод о его уравновешенности или аскетичности. Напротив, очевидно, он был весьма эмоциональным, беспокойным, неуравновешенным человеком. Но при этом Руссо был необыкновенно одаренной личностью, готовой во имя добра и правды жертвовать решительно всем. И, как мы увидим далее, встречая на своем жизненном пути не только радости и признание, но и враждебные преследования и гонения, Руссо как общественный деятель всегда оставался самим собой, верным своим убеждениям и идеалам.

В период с 1752 по 1762 год Руссо внес свежую струю в идейное новаторство и литературно-художественное творчество своего времени. В его романе «Юлия, или Но-

---

⁵ Руссо Ж. Ж. Избр. соч., т. 3, с. 362.

⁶ Там же, с. 289—290.

вая Элоиза» впервые на грани 60-х и 70-х годов XVIII века раздалось искреннее слово о непреодолимом могуществе свободной любви, не знающей сословной розни и лицемерия.

В педагогическом романе «Эмиль, или О воспитании» (1762) Руссо показал порочность феодально-схоластической системы воспитания и блестяще изложил новую, демократическую систему, способную формировать и выращивать трудолюбивых и добродетельных граждан, хорошо знающих цену передовым общественным интересам. В диссертациях «Рассуждение о науках и искусствах» (1750), «Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми» (1755) и в особенности в политическом трактате «Об общественном договоре» (1762) Руссо смело высказался против абсолютизма и вопреки идеологии «старого порядка» развил демократическую теорию общественного договора.

Кроме того, Руссо писал статьи по актуальным политическим, экономическим, музыкальным и другим вопросам для «Энциклопедии», редактируемой Д'Аламбером и Дидро. Интересна его статья «О политической экономии», опубликованная в 1755 году в V томе «Энциклопедии». Он осветил в ней социально-экономические проблемы, в частности имущественные отношения, государственное управление, общественное воспитание. В 1756 году Руссо изложил содержание обширного труда Шарля де Сен Пьера «Рассуждение о вечном мире». Здесь в духе демократического гуманизма он подверг решительной критике кровавые грабительские войны и выразил свое горячее стремление к миру, к избавлению человечества от опустошительных войн и к превращению всех народов в единую дружную семью. Эта работа опубликована посмертно, в 1781 году.

Литературные успехи, однако, не приносили Руссо ни обеспеченности, ни душевного покоя. Его яростно травили и преследовали французские, швейцарские, нидерландские клерикалы и королевские чиновники. После выхода в свет романа «Эмиль, или О воспитании» и политического трактата «Об общественном договоре» парижский парламент стал метать громы и молнии против автора «зловредных» произведений. Королевский суд приговорил «Эмиля», а затем и «Общественный договор» к сожжению и издал постановление об аресте Руссо. Спасаясь от преследования, Руссо ночью бежал в Швейцарию.

Но здесь, как и в Париже, его ожидали преследования. Женевское правительство также осудило «Эмиля» и «Общественный договор» и запретило автору появляться в пределах Женевского округа. По докладу генерального прокурора Троншена 19 июня 1762 года малый совет Женевской республики принял постановление о произведениях Жан Жака Руссо «Эмиль» и «Общественный договор»: «...разорвать их и сжечь... перед ратушей, как сочинения дерзкие, постыдно-скандальные, нечестивые, направленные к разрушению христианской религии и всех правительств»⁷.

Руссо не оставалось ничего другого, как искать покровительства и защиты в других странах. Он обратился с письмом к Фридриху II, прося его разрешить поселиться в Невшателе. В то время Невшатель представлял собою небольшое княжество Нейнбургское, находившееся под властью прусского короля. Фридрих II приказал губернатору пойти навстречу «французскому изгнанику».

В Невшателе Руссо прожил более двух лет. Вначале он поселился на даче Коломбе у губернатора лорда Кейта, а затем в деревне Мотье, расположенной в предгорьях, в живописной местности. В этом уединении Руссо писал сравнительно немного: первое время он отдыхал. Но и то немногое, что было написано в деревне Мотье в ответ на преследования и происки женевских властей («Письма с горы»⁸, «Письмо к архиепископу Христофору де Бомон» и др.), вызвало открытое возмущение невшательского духовенства и массовый протест в протестантском мире. Руссо бежал из Мотье и поселился на острове Св. Петра на Бильском озере. Но и здесь правительство не оставило его в покое. Бернский сенат предложил Руссо в двадцать четыре часа покинуть остров и область Берна.

Ища пристанища, Руссо в сопровождении Терезы отправился в город Страсбург. Однако и тут он не мог оста-

---

⁷ Цит. по кн.: *Руссо Ж. Ж. Трактаты*. М.: Наука, 1969, с. 664.

⁸ «Письма с горы» представляют собой не только ответ прокурору Троншену на его «Письма из долины», но и открытый протест Руссо против женевского правительства, осудившего на сожжение его произведения. В этих «Письмах» Руссо горячо защищал и оправдывал свои взгляды на христианство. Он предостерегал граждан Женевской республики от возможных покушений правящей клики — патрициата Женевы — на их гражданские права. «Всюду,— писал Руссо,— где законы нарушаются безнаказанно, нет больше свободы».

ваться долго. Тогда Руссо уговорили поехать в Англию, куда пригласил его философ Д. Юм. Руссо пересек Ламанш и прибыл в Лондон. Юм поселил его в Чезвике, в окрестности Лондона. Через некоторое время сюда приехала и Тереза. Но близость к английской столице не устраивала Руссо. После всего пережитого он искал покоя и полного уединения. Это желание было удовлетворено Юмом и его друзьями. В распоряжение Руссо был предоставлен замок в Дербеншире. Однако и в английском замке ни Руссо, ни Тереза не могли найти душевного покоя: их подавляла и угнетала непривычная обстановка. Без ведома Юма Руссо вскоре оставил замок и переселился в ближайшую деревушку Вуттон, где продолжал работать над «Исповедью». Даже здесь, в глухом уединении, Руссо не находил покоя. Ему казалось, что и Юм вслед за его бывшими французскими друзьями отвернулся от него.

К таким «бывшим друзьям» Руссо относил Вольтера, который, действительно, не раз с ожесточением выказывал свое нерасположение к Руссо. Вольтер не мог простить ему ни «Писем с горы», ни критики поэмы «О разрушении Лиссабона», ни взволнованного письма, в котором Руссо порицал Вольтера за вызванное им «отчуждение» к Руссо со стороны женевских граждан. Ему было за что питать недоверие и неприязнь к «фернейскому патриарху». Именно Вольтеру принадлежит оскорбительный для Руссо памфlet «Мнение граждан». Руссо не хотел и думать, что автором этого памфleta мог быть Вольтер, и приписывал его пастору Верну. В памфлете, между прочим, говорилось о Руссо, что он все еще страдает от последствий своего распутства и таскает за собою из города в город несчастную женщину, а детей отдал в воспитательный дом, что он проклял все естественные чувства и отрекся от чести и религии.

Письма, получаемые Руссо из Швейцарии, тоже поддерживали в нем представление, что его всюду окружают враги и недоброжелатели. Все это породило у Руссо тяжелый недуг. В течение ряда лет Руссо страдал манией преследования и подозрительностью. Принимая Юма за неискреннего друга, за послушное орудие в руках врагов, он решил покинуть Вуттон и в мае 1767 года внезапно оставил английское убежище.

Очутившись снова на французской земле, Руссо и тут не мог дышать свободно. Он вынужден был скрываться под именем гражданина Рену. Как ни старались его

друзья дю Пейр, маркиз Мирабо и другие создать спокойные и безопасные для Руссо условия жизни, но ни в имении Флери, близ Медоне, ни в замке Триэ, близ Жизора, он не мог найти полного покоя. Одиночество, душевное беспокойство, болезненный страх внезапного нападения беспрерывно мучили и угнетали его. По временам и сам Руссо правильно оценивал действительные причины своих душевных волнений. Так, например, он писал дю Пейру, посетившему его во Флери и в замке Триэ: «Мне не ясно, что больше нуждается в лечении, мое тело или мой дух».

Летом 1768 года Руссо оставил Терезу в замке Триэ и отправился в путешествие по старым, хорошо знакомым местам. В Шамбери он повидал своих давних знакомых и, обуреваемый воспоминаниями, посетил могилу де Варанс. И здесь, у могилы, вспомнил все неповторимое, прекрасное, что нашел в ее дружбе и благосклонности. Не желая покидать милые сердцу места, с которыми был связан «драгоценный период» его жизни, Руссо поселился в маленьком городке Бургоэн, лежавшем между Лионом и Шамбери. Вскоре приехала сюда и Тереза. Здесь ожидал ее приятный сюрприз: Руссо решил закрепить свои сердечные отношения с Терезой торжественной свадебной церемонией. С той поры он называл ее г-жой Рену.

Через год супруги переселились в соседнее местечко Монкен. Руссо снова приступил к работе над второй половиной «Исповеди» и, доведя ее до 1765 года, стал упорно думать о возвращении в Париж. «Исповедь», над которой Руссо работал в течение пяти лет, осталась неоконченной. Желание вернуться в столицу настолько овладело им, что, пренебрегая опасностью быть схваченным, он переехал в Париж и поселился на улице Плятриер (ныне улица Ж. Ж. Руссо). Это был 1770 год, когда французское правительство в связи с бракосочетанием дофина с Марией-Антуанеттой стало воздерживаться от политических репрессий и Руссо, к своему удовольствию, мог свободно появляться на улицах, посещать друзей и знакомых.

В последние годы жизни Руссо не вынашивал широких творческих планов. Он занимался главным образом самоанализом и самооправданием своих прошлых поступков. Весьма характерны в этом отношении наряду с «Исповедью» очерк «Руссо судит Жан Жака» (диалоги) и его последнее произведение — «Прогулки одинокого мечтателя». В этот период, по мнению биографов Руссо,

он уже не пытался искать выхода из одиночества, не стремился заводить новые связи и знакомства. Правда, он сделал попытку прочесть публично свою «Исповедь», но по настоянию г-жи Д'Эпинэ полиция запретила это чтение.

О последних годах жизни Жан Жака Руссо немецкая писательница Генриетта Роланд-Гольст писала: «Жизнь его была распределена точно и равномерно. Утренними часами он пользовался для переписки нот и сушки, сортировки и наклеивания растений. Он делал это очень аккуратно и с величайшей тщательностью; приготовленные таким образом листы он вставлял в рамки и дарил тем или другим из своих знакомых. Он стал снова заниматься и музыкой и сочинил в эти годы множество небольших песенок на данные тексты; он назвал этот сборник „Песни утешения в горестях моей жизни“. После обеда он отправлялся в какое-нибудь кафе, где читал газеты и играл в шахматы, или делал большие прогулки в окрестностях Парижа; он до конца оставался страстным любителем прогулок пешком»⁹.

В мае 1778 года маркиз де Жирарден предоставил в распоряжение Руссо особняк в Эрменонвиле, вблизи Парижа. Переселившись в это прекрасное предместье, он продолжал вести прежний образ жизни: совершал утренние прогулки, встречался со знакомыми и почитателями. У старого, ослабевшего Руссо, ушедшего в глубь своих переживаний, состоялась памятная встреча с человеком, которому через 12—15 лет предстояло вершить судьбы революционно-демократической Франции. В Эрменонвиле его сумел разыскать невзрачный на вид юноша, в потрепанном платье, с умными выразительными глазами, излучавшими глубокое благоговение. Это был Максимилиан Робеспьер.

2 июля 1778 года, вернувшись домой после продолжительной прогулки, Руссо почувствовал острую боль в сердце и прилег отдохнуть, но вскоре тяжело застонал и упал на пол. Прибежавшая Тереза помогла ему подняться, но он снова упал и, не приходя в сознание, скончался. Скоропостижная смерть и обнаружение кровоточащей раны на лбу дали пищу для ошеломительной сенсации: быстро распространился слух, что Жан Жак Руссо покончил жизнь самоубийством.

⁹ Роланд-Гольст Г. Жан Жак Руссо: его жизнь и сочинения. М.: Новая Москва, 1923, с. 267—268.

Через шестнадцать лет, 11 октября 1794 года, прах Руссо был торжественно перенесен в Пантеон и положен рядом с прахом Вольтера. Позже на его родине, в Швейцарии, жители Женевы воздвигли на Бильском озере памятник своему великому соотечественнику.

БЛИЖАЙШИЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

К числу ближайших предшественников Руссо в области общественно-политической мысли следует отнести Гуга Гроция (1583—1645), Томаса Гоббса (1588—1679), Джона Локка (1632—1704), Шарля Луи Монтескье (1689—1755). При этом нужно признать, что в формировании идеино-политического облика Руссо решающую роль сыграли прежде всего его необыкновенные способности, крупный литературно-художественный талант, страстное стремление к свободе, равенству, всеобщему счастью и, наконец, прочная политическая солидарность с людьми «третьего сословия», т. е. с большинством французской нации.

В чем суть учений его ближайших предшественников?

Гуга Гроций, крупный нидерландский ученый-юрист, в 1625 году выпустил в свет свое главное сочинение — «О праве войны и мира», в котором утверждал, что в условиях первобытных отношений стихийно господствовало естественное право, коренящееся в самой природе человека, и что нормы его неизменны, вечны. К числу важнейших норм естественного права Гроций относил ряд морально-политических требований, которые в его время, по сути дела, отвечали также элементарным интересам буржуазии. Вот некоторые из этих требований: «не посягай на чужое добро», «вознаграждай за причиненный вред», «возвращай то, что не принадлежит тебе», «выполняй данное обещание».

Первым источником естественного права, рассуждал Гроций, является сама природа, ибо именно она заставила людей искать общества себе подобных, т. е. стремиться к общению, к мирной, разумно организованной жизни. Вторым источником права, делая уступку официальному средневековому богословию, Гроций признавал бога — творца всего сущего. Третим источником он считал волю людей, т. е. человеческое право, цель которого состоит в